

Наш земляк, пленивший Паулюса

Генерал И.А.Ласкин хорошо известен по истории Великой Отечественной войны. Он особо отличился в финальной части Сталинградской битвы как удачливый парламентёр при пленении фельдмаршала фон Паулюса и при принятии капитуляции группировки гитлеровских войск, безнадежно пребывающих в окружении близ Сталинграда. Он попал в знаменитые кадры кинохроники, которые обошли весь мир.

Мы, работники Республиканского музея Боевой Славы, во время экскурсии не можем обойти фигуру Ивана Андреевича Ласкина не только потому, что восхищены его смелостью и решимостью при проникновении в штаб Паулюса, но и потому, что Ласкин — наш земляк, родом из Башкортостана. Это имеет

*Фельдмаршал Ф.Паулюс
после сдачи в плен в Сталинграде*

немаловажное значение, оно вызывает и восхищение, и гордость.

Однако мы мало что знали о последних периодах его биографии. Могли сообщить: Иван Андреевич жил в городе Минске, умер в 1988 году и похоронен там. До последнего времени подробности биографии знатного генерала продолжали оставаться в тени. Он как бы затерялся в самый разгар войны. Его имя отсутствует в многотомной советской военной энциклопедии, в объёмном томе «Сталинградская битва» тоже...

В своё время группа журналистов активно работала, устанавливая имена генералов и адмиралов, родившихся в Башкортостане. В единственной книге «Генералы Башкортостана» (Уфа, Китап, 1995) очерк о И.А.Ласкине, конечно, есть. Но сообщается лишь то, что он в послевоенное время часто посещает город-герой Волгоград, непременно поднимается на Мамаев курган, который защитники Сталинграда, понимая его значение, называли Главной высотой России, к памятнику-ансамблю; надолго останавливается у одной из 84-х гранитных плит, под которой покоится урна с прахом его легендарного командарма, генерал-полковника Михаила Степановича Шумилова...

...И.А.Ласкин на фронте с первого дня войны. Пропустив некоторые, даже очень важные события биографии, отметим, в октябре 1941 года он назначается сначала начальником штаба, затем командиром 172-й стрелковой дивизии Крымского фронта, участвовавшей в обороне Севастополя. Получил два ранения, награждён орденом Красного Знамени, медалью «За оборону Севастополя», представлен ко второму ордену Ленина. В течение августа 1942 года занимал должности заместителя начальника штаба Юго-Восточного фронта, а затем начальника штаба 64-й армии, входившей поочередно в состав Сталинградского, Донского, Воронежского фронтов.

Небольшая группа парламентариев (командир 38-й мотострелковой бригады И.Д.Бурмаков, его заместитель по политчасти Л.А.Винокур, начальник оперативного отдела 64-й армии Г.С.Лукин, начальник разведотдела армии И.М.Рыжов, заместитель генерала Ласкина по политчасти Б.И.Мутовин, несколько молодых офицеров) прибыла в здание Центрального универмага и в подвале были остановлены вооружённой охраной. «Я — генерал Красной Армии!» — громко произнёс Ласкин. Немецкие автоматчики расступились.

«И вот мы в большой полуподвальной комнате, — писал Иван Андреевич спустя годы. — У стола лицом к выходу сидели и стояли несколько немцев. На плечах некоторых виднелись генеральские погоны. Между ними шёл оживлённый разговор... Всмотревшись в глубину комнаты, мы увидели 15 солдат, сидевших вдоль стен с телеграфными аппаратами... Я подошёл поближе к столу и подал команду:

— Встать, руки вверх!

Находившиеся у стола офицеры встали и застыли. Но руки подняли лишь некоторые... Я вторично скомандовал, но уже в более резкой форме... Все быстро вскочили с мест, замерли, подняв руки.

— Вы все пленены.

Стоявший за столом генерал щёлкнул каблуками, приложил руку к козырьку и представился:

— Генерал-лейтенант Шмидт, начальник штаба 6-й армии.

— Генерал Ласкин, официальный ответственный представитель советского командования, уполномочен принять капитуляцию немецких войск.

Поочерёдно отрекомендовались другие офицеры и генералы, стоявшие у стола. Затем генерал Шмидт сказал:

— Ваше имя нам известно, поэтому мы можем приступить к переговорам...

Далее Иван Андреевич Ласкин повествует, что пытался вести переговоры генерал Росске, командующий Южной группой войск. Будто, по поручению Паулюса. Росске и Шмидт в один голос заявляли, что встреча с Паулюсом невозможна, хотя он находится в соседней комнате.

«Я вошёл в комнату, — продолжает Ласкин, — Паулюс повернулся к двери и, увидев меня, остановился. За мной в комнату вошли полковники Лукин и Бурмаков, подполковники Мутовин, Винокур, переводчик и генерал Шмидт. Пятидесятитрёхлетний фельдмаршал был выше среднего роста, худощавый, пожалуй, излишне прямой, подтянутый, выхоленный. Сейчас его лицо было бледно. Он смотрел на нас усталыми глазами. Я представился и назвал его пленным. Паулюс подошёл ко мне и, высоко подняв вверх правую руку, на скверном русском языке произнёс: «Фельдмаршал немецкой армии Паулюс сдаётся Красной Армии в плен...»

Подвиг нашего земляка генерала Ласкина, пленившего фельдмаршала Паулюса, стал известен всему миру. От имени президента США в знак признания исключительного героизма и храбрости, проявленных на советско-германском фронте, ему вручили крест «За боевые заслуги».

Далее — новые ступени роста. В мае—ноябре 1943 года он — начальник штаба Северо-Кавказского фронта. За успешные бои на Кавказе награждён орденом Кутузова 1-й степени. 9 октября 1943 года ему присваивается звание генерал-лейтенанта. В связи с расформированием фронта Ласкин назначается на должность начальника штаба Отдельной Приморской армии и 24 ноября 1943 года отбывает в распоряжение Главного управления кадров.

На мой взгляд, о нём следует рассказать в некоторых подробностях. Отдельные публикации, появлявшиеся в печати, носили отрывочный характер, личные качества не раскрывались. А теперь, когда пролился свет на печальные страницы биографии, обойти молчанием весьма колоритную фигуру Ласкина было бы непростительно. Одно слово — он наш земляк. В историко-краеведческом музее г. Белебея в ряду особо выдающихся героев этого края достойное место отведено рассказу об Иване Андреевиче Ласкине. Хранятся портреты, книги, личные вещи, письма.

Иван Ласкин родился 14 ноября 1901 года в деревне Васильевка, ныне Белебеевского района. В сентябре 1919 года добровольно вступил в Красную Армию. В 1920 окончил Пермские пехотные командные курсы. В 1934 окончил Военную академию имени М.В.Фрунзе. Далее — начальник оперативного отдела 48-й стрелковой дивизии, начальник штаба, затем командир 132-го Донецкого стрелкового полка той же дивизии Киевского военного округа (КВО), с августа 1937 года — офицер для особых поручений при Военном совете КВО, а с апреля 1938 — на аналогичной должности при заместителе наркома обороны СССР. С декабря 1938 — начальник штаба 85-й стрелковой дивизии Уральского военного округа, с декабря 1939 года — 151-й стрелковой дивизии Одесского военного округа. С мая 1940 — начальник штаба Сивашской мотострелковой дивизии ОдВО, с которой вступил в Великую Отечественную войну на Южном фронте.

Ах, эта проклятая война, миллионам уготовила гибель на полях сражений, позорное пленение, разрушила ориентиры и стержни жизни. Биография военного периода во многом похожа на ломаные биографии других советских генералов, испытавших горечь поражений первых лет войны, побывавших и в окружении, и в тюрьмах, и в лагерях. Но следственное дело И.А.Ласкина даёт нам основание говорить о нём без догадок, домыслов, предположений. Источники дают нам достаточно материала для того, чтобы мы могли говорить о нём в полный голос.

...В августе 1941 года офицеры 15-й Сивашской мотострелковой дивизии — командир 14-го танкового полка И.А.Фирсов, комиссар Т.Ф.Конобеццев и начальник штаба И.А.Ласкин находились в окружении. Попытались выйти к линии фронта, но немцы их задержали. Ласкин и Конобеццев вскоре сумели сбежать. 8 сентября 1941 года они перешли линию фронта. Патруль 14-й кавалерийской дивизии задержал их и доставил в особый отдел дивизии. В процессе опроса Ласкин и Конобеццев скрыли, что побывали у немцев. После недолгой проверки их отпустили. Они отбыли для дальнейшего прохождения службы. Как мы уже убедились, эта служба шла успешно. Но вспомним, был и третий — Фирсов. 17 сентября 1943 года он с группой партизан, которыми командовал некто Федоренко, оказался в расположении наступавшей 340-й Сумской стрелковой

дивизии. В особом отделе дивизии поинтересовались, что за люди к ним попали. Опросили Фирсова. Он назвал командиром всего партизанского отряда. Партизаны это отрицали. 5 октября 1943 года Фирсова арестовали. При проверке выяснилось, что Фирсов, будучи в плену, добровольно согласился работать в немецких карательных органах — в военно-полевой полиции (гестапо) и лично со своим отрядом участвовал в экспедициях против партизан, в поджогах деревень и расстрелах мирных советских граждан. Однако, почувствовав, что положение на фронтах меняется, он стал опасаться за свою судьбу. Решил присоединиться к партизанам. Свою «лояльность» доказал тем, что участвовал в нескольких боях против немцев.

На допросе он рассказал о том, как 15 октября 1941 года в деревне Подорожное Кировоградской области немцы задержали его, Ласкина и Конобевцева. Сообщил, что этих двоих вскоре отпустили, а его, Фирсова, только после того, как добровольно согласился работать на немцев.

Родилось прямое подозрение. Раз Ласкина и Конобевцева отпустили так легко, то вполне может быть, что на условиях работать на немцев.

В Главном управлении «Смерш» подняли материалы опроса Ласкина и Конобевцева в октябре 1941 года. И обратили внимание на то, что они не сказали ни слова о том, что побывали в немецком плену.

23 ноября 1943 года Конобевцева арестовали. На допросе он сознался, что, действительно, был задержан немцами и на допросе, который состоялся 26 ноября 1943 года, показал: «Я попытался скрыть факт ареста меня немцами на оккупированной территории. Хотя мне и тяжело, но должен признать, скрыл это в силу договорённости с бывшим начальником штаба 15-й Сивашской мотострелковой дивизии полковником Ласкиным, который вместе со мной находился в окружении войск противника и арестовывался немцами... Я, действительно, в моих объясне-

*Фельдмаршал Ф.Паулюс на переговорах
о капитуляции немецких войск, окруженных в Сталинграде*

ниях о выходе из окружения не указал бывшего командира 14-го танкового полка 15-й Сивашской мотострелковой дивизии полковника Фирсова. Однако я это делал не столько в интересах Фирсова, сколько в своих собственных. Фирсова я не назвал преднамеренно, потому что он являлся свидетелем нашего ареста немцами».

24 ноября 1943 года Ласкина вызывают в Главное управление кадров и извещают о его назначении на должность начальника штаба 4-го Украинского фронта. Но Ласкина не отправляют на новое место службы, а рекомендуют... отдохнуть. Снабжают путёвкой в подмосковный санаторий военный «Архангельское» и тут же арестовывают. Состоялось это 18 декабря 1943 года. Обвинение в преступлениях, предусмотренных статьёй 58-1, п. «б» УК РСФСР...

Начались жуткие дни и ночи. Пережить побои, унижения одного дня представить себе трудно, а генерал Ласкин стойко переносил их день за днём. Что такое внутренняя тюрьма НКВД в 1943 году, и представить невозможно, а он в этом аду провёл годы жизни. Вернее, был оторван от жизни.

На допросе 23 декабря 1943 года он заявил, что о пребывании в окружении противника он изложил в объяснении, которое находится в Главном управлении кадров Красной Армии. Но процесс следствия тем и сложен, что подследственного целенаправленно запутывают, шантажируют и вытягивают из него исковое. Нет, Ласкин не стал изворачиваться. Признал также, что до допросов в Особом отделе НКВД 14-й кавалерийской дивизии он и Конобевцев договорились не рассказывать о том, что находились у немцев под арестом, чтобы не вызывать подозрений.

Легенда, сочинённая с Конобевцевым, была вполне правдоподобной: «...Я, Конобевцев и Фирсов переоделись в гражданское платье и, уничтожив свои документы, условились, что в случае задержания немцами будем выдавать себя за бывших заключённых Уманской тюрьмы, якобы освобождённых германскими войсками.

Согласно этой условности я назвался бухгалтером Макаровым, якобы арестованным органами советской власти за присвоение государственных денег. Конобевцев тоже назвал вымышленную фамилию. Сказал, что в Уманской тюрьме оказался за избивание должностного лица. Фирсов же назвал свою фамилию и признался, что является командиром Советской Армии...»

Обвинение строилось на показаниях Фирсова. Что он предатель, видно по всем показаниям. Раз так, то и на Ласкина и Конобевцева падает подозрение.

У Ласкина добиваются признания (Фирсов признался!) в том, что сотрудничал с немцами. Но получали категорический отказ. «Мне понятно, что следствие имеет полное основание подозревать меня в преступных связях с немецкой разведкой, тем более, свой арест на оккупированной территории я скрыл для того, чтоб не вызывать к себе подозрительного отношения и избежать проверки моей личности по линии Особого отдела НКВД. Несмотря на это, прошу мне поверить, что шпионажем я никогда не занимался, и никаких связей с немецкой разведкой у меня не было».

Но преступная натура Фирсова не оставляла Ласкина в покое. Он на очной ставке с Ласкиным заявил: «Я удивляюсь, почему Ласкин не говорит о своих преступных связях с немцами». Но Ласкин на каждое подобное обвинение неизменно отвечал: «Прошу мне поверить, что я не шпион и не предатель, и никаких преступных связей с немцами не имел». Однако следователи ему не верят. А тут Ласкин стоит на своём: «Не имел».

Вот тут и начинается жуть внутренней тюрьмы: раз нужно добыть факты, признание, то в силу вступают методы НКВД.

Иван Андреевич держался стойко. Знал, облегчить пытки можно, только оговорив самого себя. Но не шёл на это, сопротивлялся почти целое десятилетие. Следствие затянулось до 1952 года. Он вступил в борьбу за свою правоту. Не раз объявлял голодовку, попадал в карцер. Из внутренней тюрьмы НКВД был перемещён в Лефортовскую, затем в Сухановскую тюрьмы. Его содержали в невыносимых условиях: лишили связей с внешним миром, он не знал, где и как живёт семья, не получал ни одной передачи. Тут давала о себе знать контузия, полученная на фронте, сильно болели ноги. Здоровье подорвано, но в медицинской помощи было отказано вообще. Просьбы об усилении питания тоже оставались без внимания.

Он не сдавался. Само по себе это говорит о многом. Иван Андреевич пишет заявления в высшие инстанции: на имя Л.П.Берии, М.И.Калинина, Г.М.Маленкова, В.С.Абакумова, Н.Н.Селивановского — неоднократно, написал даже на имя И.В.Сталина, жалуясь на действия следователей. Просил очных ставок со свидетелями, проходившими по его делу. Показания допрошенных свидетелей подтверждали данные об аресте Ласкина немцами, а также его переходе через линию фронта. Но никто не дал показаний о его сотрудничестве с германской разведкой.

Наконец, 12 марта 1952 года было сформулировано новое обвинение (прежнее, о сотрудничестве с немцами отпало за неимением оснований), оно звучало так: «Он, будучи, в 1941 году в окружении немецко-фашистских захватчиков, нарушил служебный долг и воинскую присягу, уничтожив партбилет, бросив оружие, сняв форму командира Советской Армии и, переодевшись в гражданское платье, следуя на территории, занятой немцами, был арестован и допрошен немецким командованием, о чём скрывал от органов советской власти в течение длительного времени». По мнению следователей, в действиях Ласкина содержались признаки преступления, предусмотренного статьёй 193-17 п. «б» УК РСФСР. И потому меру наказания должна была выбирать Военная коллегия Верховного Суда СССР. Получив такое обвинение, Ласкин дважды обращался в Военную коллегию с просьбой реабилитировать его.

29 мая 1952 года Военная коллегия Верховного Суда СССР на подготовительном заседании вынесла следующее определение: состав преступления должен быть перекалифицирован на п. «а» статьи 193-17 УК РСФСР. По этой формулировке уже не грозила «высшая мера».

5 июня 1952 года на закрытом судебном заседании Военной коллегии Ласкин заявил: «Предъявленное обвинение мне понятно, виновным себя ни в чём не признаю, за исключением только того, что я после выхода из окружения скрывает факт задержания и допроса меня немцами».

Военная коллегия не приняла окончательного решения, сочла, что доказательств вины Ласкина недостаточно, дело было направлено на следствие в Главную военную прокуратуру. В ходе следствия в течение июля—августа, наконец, были допрошены бывшие сослуживцы Ласкина. К его удовлетворению, большинство из них дали ему положительную характеристику. В частности, полковник С.П.Семёнов заявил: «Каких-либо отрицательных явлений со стороны Ласкина не наблюдал... В период пребывания с ним в окружении он вёл себя как подобает командиру Красной Армии, каких-либо неправильных действий он не проявлял и высказываний отрицательного характера не допускал... Лично Ласкин при подготовке атаки прорыва и во время самой атаки руководил войсками хо-

рошо. Надо прямо сказать, что своим личным примером при атаке на немецкую батарею Ласкин спас тяжёлое положение... Ласкин в нашем корпусе считался хорошим офицером, грамотным, волевым. И даже предполагать о каких-либо его грязных намерениях в период пребывания в немецком окружении я не мог...»

Полковник С.С.Покровский также дал положительную характеристику: «Мне никогда за время совместной работы с Ласкиным не приходилось наблюдать за ним каких-либо порочащих его действий, как на работе, так и в личном поведении... При личном контакте с Ласкиным за ним ничего отрицательного я не замечал... Мне не известен ни один случай, чтобы командующим фронтом отменялись бы распоряжения или директивы, разработанные и отданные от имени командующего фронтом начальником штаба Ласкиным...»

Положительно отзывались о Ласкине также подполковник С.И.Родионов, полковник Е.В.Ханчин, генерал-майор Н.М.Трусов.

Но были высказывания несколько иного характера. Так, генерал-лейтенант Ю.В.Новосельский заявил, что Ласкин в одном бою растерялся и струсил после открытия немцами сильного пулемётного и миномётного огня. Однако позже, уже на очной ставке с Иваном Андреевичем поправился, сказав: «В отношении Ласкина должен сказать, что это был хороший начальник штаба дивизии, знающий своё дело».

Был допрошен и генерал-полковник М.С.Шумилов, который характеризовал Ласкина как человека строго официального, хотя и несколько замкнутого. «С его приездом организация связи, управления войсками не нарушалась. Он нормально поддерживал эти свои обязанности, но инициативы своей не проявлял... Частные приказания Ласкина по вопросам текущим были правильны и мною не отменялись».

Помимо показаний свидетелей, к делу приобщены две боевые характеристики на Ласкина. Первая была от 20 июля 1942 года, когда Ласкин занимал должность командира 172-й стрелковой дивизии, подписана командующим Приморской армии генерал-майором И.Д.Петровым, вторая — от 12 января 1943 года, когда Ласкин возглавлял штаб 64-й армии и подписана М.С.Шумиловым. В характеристиках отмечалось, что Ласкин — грамотный, вдумчивый и решительный командир. Однако в документе, составленном Шумиловым по горячим следам Сталинградской эпопеи, не сказано, что Ласкину свойственна безынициативность.

Исходя из вышеприведённого, можно было предположить, что всё складывается по справедливости: свидетели, коих Иван Андреевич добивался много лет, вызваны и прибыли, тем более, дали положительные показания. Но «момент истины» всё оттягивался.

28 и 30 августа 1952 года Ласкин вновь обратился с заявлениями в Военную коллегию Верховного Суда СССР, излагая доводы в своё оправдание.

2 сентября 1952 года состоялось второе закрытое заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР. Ласкин настойчиво добивался своего оправдания. Главное, он заявил: «Кроме того, что я скрыл от органов советской власти факт ареста меня немцами при выходе из окружения, виновным себя не считаю и ни в чём не признаю».

Дело близилось к завершению. Ласкину дали последнее слово, в котором он сказал: «...сокрытие ареста — это ошибка. Прошу понять, что это моя ошибка, а не преступление. Я не преследовал никакой преступной цели, скрывая свой арест. Ошибка это большая, но не преступление. Допустив эту ошибку, я честно воевал. Никогда в бою я не терялся. После выхода из окружения я был назначен

начальником штаба дивизии. А через десять дней я уже был назначен командиром дивизии... Восемь месяцев я командовал дивизией, а затем сектором обороны под Севастополем. Эти 8 месяцев были периодом непрерывных боёв. Я действовал на Ялтинском направлении. Когда создалось трудное положение (противник выходил к Северной бухте), генерал Петров приказал мне своей дивизией восстановить положение. И из дивизии мне было разрешено взять на операцию только два полка. Несмотря на это, успех немцев действиями моей дивизии был ликвидирован. И Севастополь сражался ещё 6 месяцев.

После Севастополя я 6 месяцев участвовал в боях под Сталинградом, начиная с дальних подступов, кончая пленением Паулюса. Затем участвовал в боях под Белгородом, и оттуда был назначен на должность начальника штаба фронта. Я участвовал в организации десантной операции у Керчи, в освобождении Кубани. Мне дважды было присвоено генеральское звание. Меня дважды наградили орденом Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом США «Боевой крест», которым в то время награждали лучших командиров. Никогда я не терялся, не трусил», — этими словами он начисто отметал безосновательные показания некоторых свидетелей. И продолжил:

«Я считаю, я заслужил того, чтобы пользоваться всеми плодами нашей Победы. Я могу ещё и хочу работать. Я буду честно работать на любом поприще. Я думаю, что суд меня простит, о чём я очень прошу. Соккрытие факта ареста — это не преступление, это моя ошибка и никто от этого не пострадал, кроме меня».

Казалось бы, справедливость восторжествовала. Как же иначе. Исстрадавшийся Иван Андреевич Ласкин уже примеривался к свободе, к встрече с семьёй. Но, увы. Военная коллегия приговорила его к 10 годам лишения свободы, хотя и без поражения в правах. Заодно он был лишён воинского звания «генерал-лейтенант».

Срок наказания ему исчислялся с 18 декабря 1943 года. Но был в силе Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с Победой над фашистской Германией» от 7 июля 1945 года. В силу статьи 2 этого Указа Ласкин получил половинный срок наказания и 3 сентября 1952 года был освобождён из-под стражи.

Наконец, он на долгожданной свободе. Не теряя ни дня, Иван Андреевич уехал в Грузию, к семье.

Как реализовать свободу, если за спиной 9 лет тюрем, пыток, унижений? Если тебя не принимают на работу? Генерал остался без работы. Без средств к существованию.

Нет, он не отчаялся. По истечении пяти месяцев он вынужден обратиться с заявлением к Л.П.Берии. Описал всё подробно. Письмо попало к адресату лишь через месяц — 18 февраля 1953 года, от него к заместителю министра государственной безопасности С.А.Гоглидзе, который наложил резолюцию «на рассмотрение». В советское время, как известно, такая резолюция ничего не решала и материал клался «под сукно». Иван Андреевич ответа не получил. Набравшись смелости, он снова обратился к Берии. Теперь оба заявления легли на стол первого заместителя министра государственной безопасности С.И.Огольцова. Он соизволил наложить резолюцию: «помочь с устройством на работу».

Помогли. Иван Андреевич начал работать... на обувной фабрике. Не будем гадать, кем. Это было обычное дело в те времена.

Но нельзя сказать, что о нём забыли. Понятно, не та персона. Имя известно всему миру, им интересуются американцы. Оставлять Ласкина в тени, в подве-

шенном состоянии — это же сенсационный материал для буржуазной прессы! В порядке надзора на рассмотрение Пленума Верховного Суда был направлен протест по делу генерала И.А.Ласкина. Документ, заслуживающий внимания: «...в своих показаниях и заявлениях Ласкин утверждает, что он выходил из окружения с группой командиров, среди которых находились его непосредственные и прямые начальники, в частности, командир корпуса Новосельский, комиссар корпуса Семёнов, комиссар дивизии Конобеццев, которыми было принято решение переодеться в гражданскую одежду, спрятать оружие и документы.

Ласкин не отрицает, что скрыл факт задержания и допроса его немцами, но объясняет это желанием избежать каких-либо излишних подозрений со стороны соответствующих органов советской власти.

Допрошенные по делу основные свидетели, хотя и дали показания, несколько отличающиеся от показаний Ласкина, но подтвердили наличие сложности обстановки, при которой не только Ласкин, но и другие командиры выходили из окружения в гражданской одежде и без оружия. Таким образом, в действиях Ласкина нет состава преступления».

Протест был принят. 29 мая 1953 года Пленум Верховного Суда СССР постановил отменить приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 2 сентября 1952 года и на основании статьи 4, п. 5 УПК РСФСР прекратить дело по обвинению Ивана Андреевича Ласкина. 19 июня 1953 года ему была выдана справка о полной реабилитации.

4 июля 1953 года И.А.Ласкин, получив вызов, выехал в Москву в Министерство обороны СССР. Восстановлен в звании 13 августа 1953 года. Вновь приступил к военной службе в качестве слушателя академических курсов при Военной академии имени К.Е.Ворошилова. В 1955 году получил назначение на должность начальника штаба Южно-Уральского военного округа, с июня 1958 по ноябрь 1965 года являлся старшим преподавателем Военной академии Генерального штаба на кафедре оперативного искусства. Иван Андреевич в 1965 году вышел в отставку по состоянию здоровья. В июле 1988 года он умер. Похоронен в г.Минске.

Конечно, Иван Андреевич был убеждён, что боевой путь, пройденный им в составе воинских формирований, будет интересовать многих, поэтому оставил свои сочинения: «На пути к перелому» (М., 1977) и «У Волги и на Кубани» (М., 1986). По оценке специалистов, они представляют интерес. Одно неизвестно: оставил ли он воспоминания о пребывании в тюрьмах?

В Башкортостане имя генерала Ивана Андреевича Ласкина было всегда в почёте. О его пребывании под следствием в течение столь долгого времени было известно довольно узкому кругу лиц. Действие, которое он совершил, выбираясь из окружения, переодевшись в гражданскую одежду, скрывая свое воинское звание и личность, ни в одной армии мира не считается военным преступлением. Например, даже в гитлеровской армии военнослужащим, побывавшим в плену и сумевшим снова вернуться к своим, выдавали особые почетные жетоны, и немцы их с гордостью носили, к таким солдатам и офицерам относились с уважением. У нас, к сожалению, огромное количество побывавших в окружении или в плену военнослужащих оказались в лагерях и погибли. Судьбы тех, кто дожил до «холодного лета» 1953 года, были сломаны. Судьба нашего земляка генерала Ласкина наглядно показывает всю сложность порядков в стране в годы великой войны и в не менее легкие послевоенные годы. Мы должны знать и помнить и эту сторону нашей истории, чтобы подобное никогда не повторялось. Поэтому важно увековечить имя генерала Ласкина на его Малой Родине — в Республике Башкортостан.